

— Ох, спасибо, доктор Линь. — Хай Шанфэй встретил его у входа на восьмой уровень.

— Не стоит благодарности, господин Хай. Я и мадам Цзян давние знакомые, так что это мелочь. — Линь Цзыюй потер шишку на лбу, смущенно улыбаясь.

Черт возьми, все любят швыряться вещами. Чи Юэ хотя бы знал, как бросить кувшин вина так, чтобы он попал в дерево, а Цзян Мочоу просто швырнула чашку прямо в цель... Неужели все так переживают из-за импотенции?

— У меня есть еще одна просьба. — Хай Шанфэй немного смутился. — Здесь есть еще один раненый, мои люди перестарались и чуть не убили его. Не могли бы вы, доктор, тоже осмотреть его? Не важно, останется ли он калекой, главное — сохранить ему жизнь.

Спасти человека — лучше, чем съесть семь булочек, так что Линь Цзыюй, как истинный бодхисаттва, сразу согласился. Увидев пациента, он сначала показался ему знакомым, но, подойдя ближе, вскрикнул:

— Цветочек?!

Хуа Усиня, принятого за любовника Цзян Мочоу, избили десятками ударов, и он теперь лежал в углу, то ли в полубморочном состоянии, то ли во сне. Услышав знакомый голос, он с трудом открыл глаза и пробормотал:

— Черт, этот демон из преисподней звучит как японец...

Линь Цзыюй закатал рукава и принялся за работу: ставил иглы, давал лекарства, и в конце концов вернул Хуа Усиня к жизни.

— Цветочек, это я. Линь Цзыюй из Павильона Ледяного Сердца.

Хуа Усинь моргнул:

— О, давно не виделись. У тебя все в порядке? Судя по всему, руки-ноги на месте.

— У меня все хорошо, но как ты оказался здесь?

— Заболел.

— Чем?

— Моя правая рука вдруг перестала меня слушаться и со скоростью десять метров в секунду

направилась к левой груди Чи Юэ, едва не устроив несчастный случай.

— ...

Линь Цзыюй, хотя и сомневался в личности Хуа Усиня, никогда не думал, что тот осмелится напасть на Чи Юэ. Неудивительно, что его так избили. Он вытер пот со лба и с облегчением вздохнул:

— Зачем так? Если бы я не пришел вовремя, сегодня бы ты здесь и остался.

— Пф, мужчина рождается на земле, умирает в земле, чего бояться смерти?

— Мужчина? — Линь Цзыюй с недоумением посмотрел на него и наконец заметил что-то странное. — Цветочек, а где твоя... грудь?

— Я съел.

— Что?!

Хуа Усинь, в отличие от Янь Були, не пользовался особыми привилегиями в подземелье. Хотя жену главы никто не смел обижать, это не относилось к нему.

Ежедневно он получал три приема пищи, которые сводились к одной миске белого риса. Прозрачного, полусырого. Хуа Усинь мог сосчитать в нем всего восемнадцать зерен, а если попадался червячок, это считалось удачей.

Так что он давно уже съел булочки, которые использовал вместо груди.

Конечно, если бы он знал, что реакция будет такой, он бы выразился более изысканно.

Например, сказал бы, что из-за зимней сухости грудь уменьшилась...

В темной и мрачной камере Хуа Усинь лежал на соломе, упираясь средним пальцем в висок. Потер его. Снова потер.

Только что утихли боли от побоев, а теперь голова снова начала болеть.

Линь Цзыюй сидел в углу, рисуя круги и крестики на стене. Уже полчаса он не мог принять горькую реальность: Цветочек оказался мужчиной.

— Как я мог не различить мужчину и женщину? — Линь Цзыюй сомневался в своей жизни.

— Это не твоя вина, просто я слишком хорошо играл. — Хуа Усинь утешил его.

Линь Цзыюй вытер слезы и обернулся:

— Цветочек... брат, у тебя есть сестры?

— А тебе зачем?

— Если честно, я давно... влюблен в тебя, но не знал, что ты мужчина. Раз уж нам не суждено быть вместе, может, я женюсь на женщине, похожей на тебя, чтобы утешиться.

— Хм, сестер у меня нет. — Хуа Усинь подпер подбородок рукой. — Но ты можешь подождать восемнадцать лет.

— Ты... ты не собираешься покончить с собой, чтобы переродиться женщиной?

— Пф! Я говорю, что могу родить дочь и выдать ее за тебя. Как тебе такое, будущий тесть?

— ... — Линь Цзыюй окончательно отчаялся. Он снова повернулся к стене. — Это должно быть сон. Цветочек, вернись, разбуди меня от кошмара...

Хуа Усинь по одной выдергивал волосы:

— Черт, я настоящий мужик! Хочешь, я разденусь, чтобы ты убедился?

— Нет, не раздевайся! — Линь Цзыюй закрыл глаза и закричал.

Хай Шанфэй как раз объяснял надзирателю, как правильно бить заключенных, когда услышал крик из камеры. Подумав, что опять началась драка, он поспешил туда... и увидел, как любовник раздевается и подходит к слабому врачу в углу.

— Дерзкий! Что ты делаешь?!

Хуа Усиня сбили с ног ударом, и он чуть не выбил себе зубы. С трудом выдохнув, он сказал:

— Я ничего не делал, просто хотел раздеться, чтобы доказать, что я мужчина...

— Черт, еще и эксгибиционист! Глава тебя кастрирует сто раз!

— Ты думаешь, это как сорняки на могиле? Весной снова вырастут?

Хай Шанфэй ненавидел, когда упоминали сорняки на могиле, и зло посмотрел на него. Затем подошел к Линь Цзыюю:

— Доктор, все в порядке? Этот парень немного сумасшедший...

Линь Цзыюю встал и махнул рукой:

— Все нормально. Я еще несколько раз поставлю ему иглы, и, возможно, его мозг и пол придут в норму.

Хуа Усинь: ...

Хай Шанфэй скривился:

— Ему еще можно помочь? Если вылечишь, все равно зря, рано или поздно глава его на куски порубит.

— Я врач, не могу оставить пациента без помощи. К тому же мадам Цзян тоже нуждается в постоянной перевязке, так что я могу заняться и им...

— Заняться... — Хай Шанфэй смущенно кашлянул. — Доктор, вы действительно мастер своего дела, я восхищаюсь вами.

— Не стоит, не стоит.

— Тогда в будущем буду вам благодарен.

— Не за что, не за что.

— Сколько обычно берете за прием?

— Ничего, ничего.

— Доктор, вы действительно человек высоких принципов, не запятанный деньгами.

— Куда уж мне...

— Ох, такой молодой и уже такой скромный. — Толстяк улыбнулся. — Дело в том, что у нас в тюрьме еще три сумасшедших...

Линь Цзыюй: ...

Светлый снег, легкий иней, ветер в долине спрашивает дорогу домой. Сосульки на крыше еще не растаяли, а слезы уже капают. Кто отправил шелковую одежду? Зима вошла в долину, холод проник в кости.

Всего за полмесяца погода значительно похолодала, и прошлой ночью в Долине Лазурных Глубин выпал первый снег. В Секте Врат Преисподней все горы покрылись белым, земля стала белоснежной, и весь мир превратился в белое безмолвие. Холодное и одинокое, но одновременно чистое, как редко бывает в году.

Как только железная дверь подземелья приоткрылась на ширину трех пальцев, внутрь ворвался ледяной ветер. Надзиратель втянул шею в воротник пальто и пропустил вошедшего.

— Доктор Линь пришел?

— Да, как поживают те трое? — Линь Цзыюй стряхнул снег с плеча, сбил лед с сапог и снял теплый плащ.

— Куда лучше! Слюни не текут, пузыри из носа не пускают, а тот, кто все время тербил волосы, с тех пор, как побрился, успокоился. — Надзиратель улыбнулся. — Но любовник все еще иногда кричит, вам, возможно, придется уделить ему больше внимания.

Линь Цзыюй кивнул и, взяв свои инструменты, направился в камеру.

— Мальчишка сидит на пороге, плачет, просит жену. Зачем ему жена? Зажечь свет, поговорить, погасить свет, быть рядом...

Хуа Усинь, притворяясь сумасшедшим, кричал всякую ерунду, но, увидев Линь Цзыюя, сразу поднял голову и уставился на него, словно большой хаски, готовый вилять хвостом.

Линь Цзыюй с улыбкой поставил ящик с лекарствами на пол, открыл нижний ящик и достал несколько теплых булочек с мясом:

— Ешь медленно, внутри есть бульон.

Хуа Усинь с радостью принялся за булочки, набивая рот:

— Зять, спасибо за заботу. Я обязательно рожу тебе красивую дочь.

Линь Цзыюй: ...

— Ты честный, хороший врач, готовишь вкусно, моя дочь с тобой точно не пропадет.

— Я хороший... — Линь Цзыюй опустил голову. — Тогда почему ты не хочешь меня?

Хуа Усинь поперхнулся:

— Кхе-кхе... это... начинка немного соленая.

<http://bllate.org/book/15303/1352394>